

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

А.А. Вознесенский

В начале «оттепели» наиболее популярны были стихи Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского. Они и стали лидерами той поэтической группы, которую станут называть «шестидесятниками». Именно поэты-«шестидесятники» развили самую бурную творческую активность, именно ради того, чтоб услышать их стихи, ломались толпы в концертные залы и на стадионы. Это они, «шестидесятники», вновь привили любовь к стихам миллионам людей, открыли им дверь в огромную библиотеку шедевров отечественной и мировой поэзии. Но тогда, в начале «оттепели», люди хотели слушать их стихи, далеко не всегда совершенные, часто еще ученические, корявые. Значит, эти поэты говорили что-то такое, в чем остро нуждались их современники. И говорили так, что сказанное ложилось на сердце слушателям и читателям.

Поэты-«шестидесятники» наиболее остро восприняли «оттепель» и выразили ее. Наученные видеть в поэзии прежде всего акт гражданского поведения, они мучительно переживали открывшуюся правду о том, что получило обтекаемое название «культ личности», и бескомпромиссно отвергли притязания сил вчерашнего дня на сохранение своей власти. Свой публицистический пафос они нередко выражали в откровенно риторической форме, порой прибегая к прозрачным аллегориям.

У «шестидесятников» «оттепель» встретила полное приятие, надежды на скорое освобождение от пороков, ибо они мыслились лишь как «искажение», как деформация прекрасной идеи. С этим настроением времени совпадало настроение возраста, в котором пребывали сами поэты, — юношеский восторг, чувство свежести, пора возвышенных надежд, романтическая вера в светлое будущее. Эмоциональный подъем был искренним и сильным. Об этом свидетельствуют не столько прямые декларации, сколько та поэтика, в которой подсознательно выражалось радостное настроение, веселая игра мускулов, жажда свежести, новизны. Это состояние выражало себя прежде всего через тропы.

В этом отношении особенно характерны метафоры раннего Андрея Вознесенского. В их ассоциативное поле втянуты новейшие представления и понятия, рожденные веком научно-технической революции и модерна: ракеты, аэропорты, Ту-104, антимирры, пластмассы, изотопы, битники, рок-н-ролл и т. д. Но менее всего здесь следует видеть прямое преломление внешней реальности. Тем более что с приметам НТР соседствуют у Вознесенского образы и русской старины, и великих художественных свершений, и отзвуки глобальных событий. Вознесенский утверждает:

«Метафору я понимаю не как медаль за художественность, а как мини-мир поэта. В метафоре каждого крупного художника — зерно, гены его поэзии».

И когда он пишет: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот — аэропорт!», то в этом неожиданном уподоблении очень несоизмеримых понятий, в их увязывании еще и звуковыми перевертышами выражает себя прежде всего самоощущение лирического героя — жадность до нового, жажда открытия иных, неведомых доселе горизонтов, поиск новых символов веры. Своими метафорами Вознесенский переводит существование души человека в координаты отечественной и мировой культуры, в круговорот современной мысли, овладевающей космосом и микромиром элементарных частиц, в масштабы всего земного шара. И вместе с тем этот грандиозный мир воспринимается героем Вознесенского без пиетета, а скорее фамильярно, по-свойски — озвучиваясь порой низовым жаргоном («Он дал кругалю через Яву с Суматрой!» — это о художнике Гогене сказано в «Параболической балладе»). И когда поэт лихо уподобил земной шар арбузу:

И так же весело и свойски,
как те арбузы у ворот —
Земля
 мотается
 в авоське
 меридианов и широт!
(«Торгуют арбузами»)

— то подобное панибратство было знаком молодого задора, уверенности в своих силах.

За всем этим ощущалось новое мироотношение. Но оно потребовало возвращения уважения к культуре стиха, активизации смыслового потенциала стиховой формы.

Точку опоры в своем противоборстве с «силами ночи» «шестидесятники» искали в тех же утопических представлениях, которые традиционно связывались с понятиями «революция», «Октябрь», «коммунизм». Для них эти понятия уже стали мифологемами, они потеряли живую плоть, их замещали знаки — буденовка, красное знамя, строка революционной песни, которые становились в их стихах эмблемами нравственной чистоты, самоотверженности, свободы и справедливости.

Но главное — эмоциональный пафос гражданской лирики «шестидесятников» стал совсем иным. Прежде всего это проявилось в той живой непосредственности, эмоциональной отзывчивости, с которой они резонируют на судьбы отдельных людей, на жизнь всей страны, на беды целого мира. Накал сопереживания таков, что лирический герой порой сливается с объектом своего сострадания, перевоплощается в него. Например, программное стихотворение Вознесенского «Гойя» (1957) все целиком построено как цепь таких перевоплощений, в которой центральное место занял пластический образ:

Я — горло
повешенной бабы, чье тело, как колокол,
 было над площадью голой...

Широко раздвинув горизонты гражданского переживания и придав ему глубоко личный характер, поэты-«шестидесятники» стремились преобразить традиционный социальный пафос советской гражданской лирики в пафос гуманистический, общечеловеческий.